

УДК 327

В.П. Румянцев

К ВОПРОСУ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ФРОНТИРЕ: ДЖ. Ф. КЕННЕДИ И ПРОГРАММА «НОВЫЙ ФРОНТИР» (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Предпринята попытка осветить программу «Нового фронта» администрации Дж.Ф. Кеннеди с позиций теории американского фронта. В данном случае фронт будет пониматься не как популярная метафора, а скорее как архетип американской цивилизации. Такие инициативы администрации Дж.Ф. Кеннеди, как «Корпус мира», «Зеленые береты», высадка космического экипажа на Луне, вполне соответствовали традициям покорения «Дикого Запада» и постоянного расширения американского фронта.

Ключевые слова: Дж.Ф. Кеннеди, фронт, США.

В 2011 г. Соединенные Штаты Америки отметили 50-летний юбилей вступления в должность главы исполнительной власти США 35-го президента Дж.Ф. Кеннеди. Серия торжественных мероприятий, включая научные конференции, прошла в Президентской библиотеке и музее Джона Ф. Кеннеди в Бостоне. По прошествии полувека инициативы администрации Кеннеди по-прежнему привлекают внимание научного сообщества и общественности, приобретая новые трактовки и объяснения. Нами будет предпринята попытка осветить некоторые из граней политики правительства Дж.Ф. Кеннеди в рамках теории фронта.

В отечественной историографии комплекс инициатив в области внутренней и внешней политики администрации Дж.Ф. Кеннеди принято именовать программой «Новых рубежей». Термин «рубеж», пожалуй, наиболее точно передает значение слова *frontier* на русском языке, но он не охватывает все смысловые нюансы понятия «фронт», имеющиеся в американском обществе. Помимо пространственного измерения, желания обозначить новые цели, в слове «фронт» содержится понимание вызова, необходимости преодолевать жизненные испытания, все время двигаясь вперед. В определенном смысле фронт – это тест на прочность как отдельного человека, так и цивилизации в целом. И, наконец, американский фронт тесно связан с геополитическими устремлениями Соединенных Штатов. Термин «фронт» получил широкое распространение в общественно-политическом дискурсе США во многом благодаря концепции американского историка Ф.Дж. Тернера, выдвинутой им в конце XIX в. В узком смысле фронт понимался как подвижная граница между территорией, освоенной жителями североамериканских колоний/штатов и землями индейцев – граница, постоянно смещающаяся с востока на запад, «место

контакта дикости и цивилизации» [1. С. 14]. Но фронт имел не только географическое, но и политическое, культурное и экономическое измерения.

Пожалуй, наиболее спорным местом в теории Ф.Дж. Тернера было его утверждение, что фронт стал подлинным местом рождения американской демократии. Скорее, речь можно было вести о распространении влияния политики и культуры США. Среди нескольких дефиниций фронта, данных Тернером, есть определение его как «полосы наиболее быстрой и эффективной американизации» [1. С. 15]. Распространение американских культурных ценностей сопровождалось развитием в пограничье особой атмосферы, связанной с постоянными рисками и необходимостью преодолевать трудности на пути покорения новых земель. В итоге, на фронте культивировались специфические свойства людей: «грубость и сила, соединяющаяся с пронизательностью и любознательностью... практический и изобретательный склад ума... господствующий индивидуализм, работающий ради добра и зла» [1. С. 39].

К концу XIX в. фронт прочно закрепился на тихоокеанском побережье. Не занятых белыми поселенцами земель не осталось, но на этом история фронта не закончилась. Географическое содержание фронта сменилось геополитическим. Говоря словами отечественного американиста В.Л. Малькова, произошла «переакцентировка в идеологическом обосновании концепции «расширяющейся границы» с континентального на глобальный масштаб, с уровня освоения «свободных земель» (переселенческая колонизация) на уровень закрепления на заморских территориях и рынках и установления экономического (преимущественно), политического и военного (в особых случаях) контроля над ними» [2. С. 31].

Связанная с концепцией Ф.Дж. Тернера идея экспансии американского влияния имела глубокие

корни. Как подчеркивал американский исследователь Г. Кушнер, лидеры Соединенных Штатов еще «до Гражданской войны связывали судьбу и благосостояние своего народа с экспансией его границ» [3. С. 137]. После гражданской войны 1861–1865 гг. госсекретарь США У.Г. Сьюард выдвинул правила «больших структур», делающих естественно неизбежным обустройство «далеко отстающими опорами», способными обеспечить стратегическую безопасность Соединенных Штатов на максимальной дистанции от их официально признанных границ [2. С. 23–24]. О том, что история фронта будет иметь продолжение, говорил и Тернер, который в конце XIX в. настаивал: «Опрометчивым пророком станет тот, кто будет утверждать, что экспансионистский характер американской жизни к настоящему времени полностью исчез. Движение было ее доминантой, и... энергия Америки будет постоянно требовать более широкого поля для своего приложения» [1. С. 40]. К началу XX в. проявилась тенденция едва ли не абсолютизировать фронт. Президент США в 1901–1909 гг. Т. Рузвельт заявлял, например, что «всему хорошему, что есть в Америке, она обязана фронтиру» [4. Р. 2–3]. Столкнувшись с необходимостью в начале двадцатого столетия определения глобальной стратегии, американские политики пытались найти идеологическое обоснование распространению влияния США в других районах мира. Президент В. Вильсон отстаивал тезис о необходимости вступления в Первую мировую войну, чтобы «сделать мир безопасным для демократии». В мировое общественное сознание внедрялось представление о необходимости и благотворности распространения американской демократии. Попытка переместить фронт в Европу удалась Соединенным Штатам лишь во время президентства Ф.Д. Рузвельта. Американское влияние в Европе стало несомненным после завершения Второй мировой войны [5. С. 6].

Сохранялась и психология американских солдат, отправлявшихся за океан, как людей фронта. Во время американо-испанской войны 1898 г. для военнослужащих США, сражавшихся на Филиппинах, было характерно сравнивать свои военные будни с обстановкой фронта, где «ковбои» противостоят «индейцам». Аналогии с покорением «Дикого Запада» продолжались и в период Второй мировой войны. Например, во время высадки союзников в Нормандии в июне 1944 г. солдаты 82-й парашютно-десантной дивизии США сравнивали свои ощущения с тем, как могли чувствовать себя «пионеры, которые... оказавшись на неизвестной земле, не зная ее языка и местных

ориентиров, не ведая – какая опасность поджидает за следующим кустом или поворотом реки, веря только в себя и в оружие в своих руках ... продвигались вперед» [4. Р. 4,8]. Словосочетание «Новый фронт» прозвучало в середине июля 1960 г. на съезде Демократической партии в Лос-Анджелесе, где Дж.Ф. Кеннеди был номинирован на должность кандидата в президенты США. Сенатор из Массачусетса еще до решающего голосования на съезде вплотную занялся речью, которую он должен был произнести уже как официальный кандидат от Демократической партии на пост президента. В этом выступлении должно было не только прозвучать согласие на номинирование и благодарность за отданные в его пользу голоса делегатов съезда, но в нем должна отразиться политическая программа, которая отныне станет ассоциироваться со всей партией, а не с отдельным ее представителем.

Таким образом, тема фронта, к которой предполагал обратиться Дж.Ф. Кеннеди, не только увязывала программу молодого претендента на Белый дом с историческими традициями Соединенных Штатов, но и вызвала в воображении слушателей образы, олицетворявшие с мужеством, храбростью, трудолюбием, т.е. теми качествами, которыми восхищался и воспитывал в себе и сам сенатор.

Одним из основных мотивов выдвижения концепции «нового фронта» было желание команды Кеннеди обозначить новые ориентиры для американского общества, придать движение застоявшейся, как казалось, жизни США. В конце 1950-х гг. популярной была точка зрения, что Соединенные Штаты теряют инициативу в мировой политике, пропуская вперед Советский Союз и его «сателлиты». Такие события, как запуск советского спутника в 1957 г., революция 1959 г. на Кубе, коммунистическая активность во Вьетнаме и Лаосе и даже успехи советских спортсменов на зимних и летних Олимпийских играх 1950-х гг., преподносились как признаки цивилизационного отставания США. Во время визита в Соединенные Штаты Н.С. Хрущева один из наиболее авторитетных американских журналистов У. Липпман писал о том, что американцы потеряли чувство «великой цели и великого предназначения», которые позволили бы им успешно конкурировать с Советским Союзом. Практически о том же самом говорил известный американский дипломат и политик Дж. Кеннан, отзываясь о Соединенных Штатах как о стране, «не имеющей ясно обозначенной национальной цели» [6. Р. 43].

Съезд Демократической партии в Лос-Анджелесе выбрал Дж.Ф. Кеннеди в качестве

официального кандидата на должность президента США. 16 июля 1960 г. после объявления результатов голосования Кеннеди выступил с речью, вошедшей в историю как речь о «новом фронтире». Охарактеризовав годы правления администрации Д. Эйзенхауэра как «восемь лет интоксикационного и прерывистого сна», он заявил, что нация нуждается в креативном демократическом лидере. Последовавший следом краткий обзор текущей международной ситуации отражал мнение критиков действовавшей администрации: «Баланс сил в международных отношениях меняется. Появились новые и еще более ужасающие виды оружия, новые нации, колеблющиеся в своем выборе. Коммунистическое влияние проникло глубоко в Азию, основательно закрепилось на Ближнем Востоке и подвергает разложению территории за 90 миль от Флориды».

Затем Дж.Ф. Кеннеди приступил к изложению своей главной идеи: «Место, на котором я стою, лицом в сторону запада, было когда-то последним фронтиром. С земель, расположенных за 3000 миль позади меня, пионеры прошлого жертвовали своей безопасностью, своим комфортом и иногда своей жизнью, чтобы построить новый мир здесь на Западе... Они были полны решимости сделать этот новый мир сильным и свободным, преодолеть все тяготы и неприятности, покорить врагов, которые угрожали извне и изнутри» [7].

Солнце, клонившееся к горизонту, слепило глаза Кеннеди и мешало сосредоточиться. Многие наблюдатели отмечали усталость кандидата от демократов. Позже возникло мнение, что именно эта речь на бумаге выглядела лучше, чем прозвучала вживую. Дж.Ф. Кеннеди после этого выступления решил перед следующими важными публичными заявлениями принимать стимулирующие препараты [8. Р. 274–275].

«Сегодня некоторые могут сказать, что... все горизонты изведаны, что все сражения выиграны, что американского фронта больше не существует», – продолжал едва ли не скороговоркой сенатор. «Нет, – восклицал он, – еще не все проблемы решены, не все битвы выиграны, мы стоим сегодня на пороге нового фронта – фронта 1960-х гг. – фронта неизведанных возможностей и опасностей, фронта неосуществленных надежд и угроз... Новый фронтир находится здесь... За этим фронтиром находятся еще не разгаданные области науки и космоса, нерешенные проблемы мира и войны, непобежденные очаги невежества и предассудков, остающиеся без ответа вопросы нищеты и излишков». Завершение выступления Дж.Ф. Кеннеди было выдержано в патетическом

тоне: «Легче было бы отступить с этого фронта, обратиться к безопасной посредственности прошлого... Но я верю, что нынешние времена требуют изобретательности, инноваций, находчивости, решений. Я прошу каждого из вас быть новым пионером этого нового фронта» [7].

Сложно сказать с уверенностью – кому конкретно принадлежала идея построить это выступление Дж.Ф. Кеннеди вокруг идеи фронта. Как признавал ближайший помощник сенатора Т. Соренсен, над этой речью работала группа советников Кеннеди. Речь вобрала в себя частички из предыдущих выступлений кандидата в президенты от Демократической партии, но термин «фронтир» прежде самим Кеннеди не использовался [9. Р. 167]. Многие исследователи указывают на А. Шлезинжера (младшего) – известного американского историка – как на автора слогана «новый фронтир».

Известно, что А. Шлезинжер в конце марта 1960 г. выступил в Детройте с лекцией на тему «Новые фронтиры американского либерализма» [10. Р. 2]. В этом же году была опубликована статья данного историка «О героическом лидерстве и дилемме сильных людей и слабых народов». В ней проводилась мысль о необходимости в период, когда нация переживает кризис, фигуры сильного лидера, только которая и способна спасти демократию в час испытаний. Заслуживает внимания объяснение А. Шлезинжера различия между странами «третьего мира»: «Истинный раскол между этими странами – это не раскол между левыми и правыми, а между сильными и слабыми, между лидерами, которые имеют волю делать то, что должны делать, чтобы обеспечить основы экономического роста, и лидерами, которые колеблются, боясь потревожить интересы традиционного общества» [11. Р. 8]. Эта мысль разделялась и Дж.Ф. Кеннеди, который верил в возможность осуществления реформ «сверху», в то, что он называл «исполнительским рвением» [12. С. 87].

Но и А. Шлезинжера вряд ли можно назвать подлинным автором словосочетания «новый фронтир». Известно, что термин «новый фронтир» был использован группой республиканца Н. Рокфеллера в докладе «Перспективы для Америки», опубликованном в 1958 г. Потом недоброжелатели будут утверждать, что свой главный лозунг администрация Кеннеди умыкнула у либеральных республиканцев [13. С. 102–103].

Возможно, это стало одной из причин того, что Дж.Ф. Кеннеди не очень любил этот лозунг. «Я никогда не слышал, чтобы он использовал впоследствии фразу “новый фронтир”, – вспоминал

А. Шлезингер, – я думаю, что он относился к ней с некоторым смущением, как к временной капитуляции перед риторикой» [10. Р. 214]. Т. Соренсен тоже отмечал, что Кеннеди вообще «не любил лозунгов и слоган “новый фронт” использовал скупое, но ему хотелось обозначить преемственность с предшествующими демократическими администрациями – Ф.Д. Рузвельта с его “Новым курсом” и Г. Трумэна со “Справедливым курсом”» [9. Р. 167].

Итак, Дж.Ф. Кеннеди относился к слогану, предложенному его советниками, как к яркой метафоре, способной подкрепить его претензии на национальное лидерство. Трактовка фронта как метафоры, на основе которой создается миф о фронтире, довольно распространена в научном дискурсе. Американский исследователь Г. Кушнер отмечает, что «сила концепции границы, если не учитывать действительное и идеологическое ее влияние, коренится в мифе. Как и все мифы, концепция границы знакомит нас скорее с психологической, чем с фактической истиной, т.е. сообщает нам на символическом языке нечто жизненно важное об американском обществе» [3. С. 139]. Как известно, мифология – это один из наиболее эффективных способов донесения имиджа до целевой аудитории. Миф фронта идеально подходил под задачу легитимации претензии на руководство страной молодого и относительно малоизвестного широкой американской публике сенатора из Массачусетса. Официальный кандидат от Демократической партии на должность президента США прибегает к символам и терминам, устойчиво закрепившимся в сознании американцев. Термин «фронт» вызывает у американской аудитории строго определенные образы. По выражению одного из наиболее авторитетных исследователей фронта, американского автора Р. Слоткина, «терминология фронта стала частью нашего лексикона, и нам не нужно дополнительных разъяснений, чтобы понять, о чем идет речь. Мы быстро и полностью понимаем правила игры в ковбоев и индейцев и применяем их» [6. Р. 48].

Другой американский теоретик фронта Л. Дорси вычленяет в мифе фронта три компонента: 1) завоеватель (герой), 2) фронт (окружающая среда), 3) их взаимодействие (нарратив). Образы героя и окружающего его мира позволяют аудитории идентифицировать себя с мифическим миром, почувствовать себя его частью, увязывая действия героев в прошлом со своим поведением в настоящем и будущем [14. Р. 5–6]. Соглашаясь в принципе с подобным трехчленным делением мифа фронта, американская исследовательница

Дж. Рашинг на центральное место ставит нарратив, приводя высказывание известного британского философа А. Макинтайера: «Я только тогда могу ответить на вопрос «Что я представляю собой?», если сначала отвечу на вопрос – «Частью какого предания или преданий я являюсь?» [15. Р. 265]. Если следовать теории Л. Дорси, то ключевым героем мифа о фронтире является ковбой. Исследователь этого образа Д.Б. Дэвис подчеркивает, что идеальный ковбой борется за справедливость, рискует жизнью, чтобы обезопасить унылое, небольшое поселение пастухов ради уважающих закон уважаемых граждан, но, добиваясь этого, он разрушает само окружение, которое делает его героем» [16. Р. 113]. Здесь важным представляется мотив разрушения. Пионер – покоритель «Дикого Запада», испытывая уважение и даже восхищение перед окружающей его действительностью (природа, ловкость индейцев), в то же самое время пытается подчинить эти силы своему влиянию. В результате этой встречи «цивилизации» и «дикости» последний («варварский») компонент почти полностью исчезает.

Окружающей средой, собственно, самим фронтиром являются пустующие пространства. Как отмечал Ф.Дж. Тернер, «существование значительной территории свободных земель, ее постоянное отступление и продвижение американских поселений на запад – вот объяснение развития Америки» [1. С. 13]. Термин «пустующие», «свободные» земли в данном случае не следует воспринимать буквально – как лишенную присутствия человека пустошь, а как неамериканизированное пространство. Дж. Рашинг утверждает, что «с самого своего рождения Америка выросла из фронта, определившего ее мифическую идентичность» [15. Р. 265]. А Г. Кушнер объясняет устойчивость мифа фронта тем, что он «предлагался мигрантам и иммигрантам в качестве метафорической замены культуры и ценностям, которые они покидали, интегрируя себя в современное индустриальное общество» [3 С. 151]. Отметим спорность абсолютизации мифа фронта как единственно возможного в объяснении специфики американской цивилизации. Что касается последнего компонента мифа фронта – нарратива, то главным, пожалуй, сюжетом повествований о фронтире является тема прогресса. Фронт является своеобразным доказательством того, что жизнь человека можно улучшить, сделать ее интереснее и насыщеннее. В американском обществе существовала твердая вера в то, что на фронтире могут быть реализованы самые честолюбивые за-

мысли человека. Жители восточного побережья США держали в уме возможность переселения на запад, где они смогут начать новое дело. Таким образом, фронтир существовал и как отражение эгалитарного, по определению отечественного американиста В.В. Согрина, мифа [17. С. 17].

Р. Слоткин характеризует использование термина «новый фронтир» Дж.Ф. Кеннеди как «проявление латентной идеологической силы. Хотя он и его советники, возможно, не осознавали, насколько эффективным может являться символизм, они явно понимали, что взывают к тому, что соответствует традициям американской политической риторики» [18. Р. 2]. Развивая мысль Р. Слоткина о том, что фронтир являлся аутентичной метафорой, которая, как рассчитывал «мозговой трест» Кеннеди, будет содействовать победе на президентских выборах, можно сказать, что фронтир являлся скорее даже не метафорой, а архетипом американской цивилизации.

Несмотря на то, что термин «архетип» имеет очень глубокие корни, уходящие в античные времена, его широкое использование в науке связано с именем основателя аналитической психологии швейцарского ученого К.Г. Юнга. Архетипами он называл различные праформы коллективного бессознательного, которые в разное время появляются в сознании людей, как бы всплывая независимо от воли человека; они автономны, не определяются сознанием, но способны воздействовать на него [19. С. 11]. Важным качеством архетипа является его регулярная повторяемость в ходе исторического развития. Архетипы помогают культурам постоянно воспроизводить свое прошлое, поддерживать связь со своими истоками [20. С. 25–26]. Иначе говоря, архетипы – это «базовые концепты, задающие координаты, в которых человек воспринимает и осмысливает мир и осуществляет свою жизнедеятельность» [21. С. 48]. Хотя К.Г. Юнг утверждал, что «коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» [19. С. 98], т.е. архетипы являются универсальными, этнически нейтральными, следует прислушаться к мнению отечественного мыслителя С.С. Аверинцева, полагающего, что архетипы вырастают из природных и культурных особенностей бытия народов, поэтому каждой исторической почве присущи свои архетипы. По мнению С.С. Аверинцева, архетипы в предельно конкретном виде содержат присущие конкретному историческому субъекту принципы выбора моделей мышления и безусловных императивов поведения [22. С. 15].

Что позволяет отнести фронтир к архетипам американской цивилизации? Во-первых, то, что он имеет определенную устойчивость, проявляясь в жизни Соединенных Штатов на протяжении всей ее истории в мифах, фольклоре, массовой культуре. Во-вторых, фронтир имеет свою систему символов, вызывающих строго определенные образы у американской аудитории. В-третьих, фронтир, как можно было убедиться на примере речи Дж.Ф. Кеннеди на съезде Демократической партии в 1960 г., может проявляться на уровне бессознательного. Прибегая к яркой метафоре, оратор, может быть, сам того не подозревая, находится под влиянием некоего архетипа. И, наконец, в-четвертых, фронтир, обладая специфической энергетикой, способен оказывать сильное влияние на эмоции человека. Идея приближения американской нации к «новому фронтиру» потому стала столь популярной среди сограждан Дж.Ф. Кеннеди, что она взывала к образам, понятным и близким американцам. У «нового фронта», как и у «старого», были свои герои – молодые американцы, родившиеся в промежутке между двумя мировыми войнами, верящие в идеалы демократии, готовые ставить перед собой амбициозные задачи. Их олицетворением, «главным пионером нового фронта» был сам Кеннеди – молодой, энергичный, похожий скорее на телезвезду, чем на скучного политика.

Теория фронта приобрела в 1950-е гг. дополнительную коннотацию – то, что в XIX в. воспринималось как контакт между «цивилизованными» и «примитивными» народами, в середине XX в. трансформировалось во взаимоотношения между «свободным Западом» и «развивающимся миром». Фронтир как место столкновения ковбоев и индейцев, охотников за скальпами и охотников за золотом, могучих сил природы и желания человека подчинить эти силы преобразовался во фронтир другого порядка – место встречи западного либерализма и восточного консерватизма, идеи прогресса и мнимой косности азиатского и африканского мышления. Но существовал и другой фронтир, причем с четко воспринимаемыми границами, – фронтир «холодной войны», линии которого простирались, по определению У. Черчилля, «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике». К концу 1950-х гг. этот фронтир «холодной войны» переместился на страны «третьего мира».

Аллегория границы занимала заметное место в предвыборной риторике Дж.Ф. Кеннеди. В журнале «Кэтолик уорлд» кандидат в президенты от Демократической партии писал: «Пенсильвания-авеню (улица в Вашингтоне, на которой располо-

жен Белый дом. – В.Р.) более не является улочкой местного значения. Она проходит через Париж и Лондон, Анкару и Тегеран, Нью-Дели и Токио. И если Вашингтон является столицей свободного мира, президент США должен быть его лидером» [23. С. 336]. Мысленно соединив перечисленные выше столицы, можно получить представление о географии американского фронта 1960 г., как ее воспринимали в Вашингтоне.

Сохранение цивилизационно-культурного значения фронта в истории Соединенных Штатов ярко демонстрирует еще одна инициатива команды Кеннеди – идея «Корпуса мира». 14 октября 1960 г. в 2 часа ночи Дж.Ф. Кеннеди выступил перед студентами Мичиганского университета – сразу же после завершения очередных телевизионных дебатов с Р. Никсоном (этим и объясняется столь позднее время для встречи с молодежной аудиторией). В этом выступлении кандидат от Демократической партии продолжил тему вызова, стоящего перед Америкой, особенно – молодой ее частью: «Многие ли из вас, из тех, кто, собираясь стать доктором, готовы проводить ваши дни в Гане? Технические специалисты или инженеры – многие ли из вас готовы поступить на государственную службу и тратить вашу жизнь, разъезжая по миру? От вашего желания сделать это, не просто поработать год или два на этой службе, а именно посвятить часть вашей жизни ради нашей страны, я думаю, и зависит ответ на вопрос – может ли свободное общество конкурировать? Я думаю, может!» [24]. Идея отправки американских добровольцев в развивающиеся страны для организации помощи в решении проблем образования, здравоохранения, охраны окружающей среды не была изобретением Кеннеди или кого-либо из его помощников. Со схожими предложениями в США выступали христианские миссионеры, американский философ У. Джеймс. Звучала эта идея и в конгрессе Соединенных Штатов – в 1957 г. член палаты представителей Г. Рейсс предложил продолжить опыт администрации Ф.Д. Рузвельта по организации молодежных работ, но только теперь на международном уровне, а сенатор Г. Хэмфри даже предложил название для соответствующей организации – «Молодежный корпус мира» [25. Р. 154–155].

Осуществить этот проект на практике удалось лишь Дж.Ф. Кеннеди. Причину успешного воплощения витавшей в воздухе идеи американский исследователь Л. Дорси видит в том, что Кеннеди контекстуализировал героический миф с «одним из главных сакральных мифов Америки – мифом фронта», изменив структурные элементы этого

мифа в процессе реализации своего замысла [26. Р. 44]. Сенатор из Массачусетса придал новые аллюзии фронтиру: вместо покорения пространств «Дикого Запада» – испытание своих человеческих качеств, вместо героев, сражавшихся с индейцами, – организованные по военному образцу члены «Корпуса мира», сражающиеся с общими врагами человечества: бедностью, отсталостью, болезнями.

Слушатели Дж.Ф. Кеннеди могли примерить на себя знакомые с детства образы, изменяя нарратив мифа о фронтире. Добровольцы, отправляющиеся за океан, – так должны были выглядеть «люди фронта» второй половины XX в. Контаминации мужественных пионеров Запада в волонтеров, выполняющих гуманитарную миссию ради интересов Соединенных Штатов, способствовало использование притягательного образа неизвестного мира, ведь этим добровольцам предстояло побывать там, где, по словам Кеннеди, «не жил еще ни один американец и даже не путешествовал там» [26. Р. 50].

Трактовка идеи «Корпуса мира» в русле теории фронта не является чисто академическими измышлениями. Прямую связь с «классическим» фронтиром усматривали и представители окружения Дж.Ф. Кеннеди. Специальный помощник демократического кандидата в президенты Х. Уофффорд (младший) из Йельской школы правоведения связывал идею «Корпуса мира» с необходимостью вдохнуть свежую струю воздуха в затхлающую, как казалось либеральной части американского общества, жизнь Соединенных Штатов. «Что делает вызов коммунизма, Кастро и Конго столь опасными для нас, это не столько жестокость и страдания, которые они несут с собой, сколько то, что они являют собой главные перемены нашего времени, – утверждал Х. Уофффорд, – Бостонское чаепитие и филаделфийская декларация (независимости США. – В.Р.) находятся в далеком прошлом и наши дремлющие революционные инстинкты иссякают. Это неправильно... когда развивающиеся народы Африки, Латинской Америки и Азии смотрят на Америку как на нечто немняющееся» [27]. Подобные настроения, как отмечалось выше, были характерны для Соединенных Штатов периода окончания срока работы администрации Д. Эйзенхауэра. Х. Уофффорд видел выход в таких программах, как «Корпус мира», связывая ее с концепцией фронта: «Мы – народ с характером пионеров и с фронтиром в крови... Но то, что наш географический фронт достиг своего завершения на тихоокеанском побережье, тормозит нас и мешает нам... Большинство новых фронтиров находятся за морями, на южных кон-

тинентах, и мы не знаем, как нам приспособить к реалиям XX в. лозунг XIX века – «Вперед, молодежь, на Запад!» [27].

Замысел «Корпуса мира» отражал стремления команды Кеннеди найти новые инструменты американской внешней политики. Эта идея была проявлением того, что спустя 30 лет после ее выдвижения профессор Гарвардского университета Дж. Най (младший) назовет «мягкой силой» в международных отношениях. Политический истеблишмент США чаял избавить свою страну от имиджа алчных, циничных, нахрапистых американцев. Попутно делались бы шаги в сторону американизации культур развивающихся стран. Это был еще и хороший предвыборный ход. Выступление Дж.Ф. Кеннеди в Мичиганском университете получило широкий резонанс. По вопросам, связанным с «Корпусом мира», в офис массачусетского сенатора в Вашингтоне к концу 1960 г. писем стало приходиться больше, чем по каким-либо другим проблемам [25. Р. 155].

Президентские выборы, состоявшиеся 8 ноября 1960 г., были выиграны Дж.Ф. Кеннеди с незначительным перевесом голосов. 20 января 1961 г. состоялась церемония официального вступления Дж.Ф. Кеннеди в должность президента. В его инаугурационную речь, сознательно или нет, были включены элементы архетипа фронтира: использовался образ неизведанного пространства с призывом «исследовать звезды, покорять пустыни, искоренять болезни, измерять океанские глубины»; героизировались испытания, предстоящие новому поколению американцев, «рожденных в этом столетии, закаленных войной»; применялись слова и словосочетания, характерные для описания военного быта: «Нынче **труба** вновь зовет нас. Она не требует братья за **оружие**, хотя **оружие** нам необходимо, не требует идти в **бой**, хотя мы строимся в **боевые порядки**, а призывает год за годом нести **тяготы** долгой мрачной **борьбы**... борьбы против общих **врагов** человека: тирании, бедности, болезней и **войны** (выделено мной. – В.Р.)» [28. С. 429, 431–432]. Окончание этой фразы, выглядящей почти как боевой приказ, словно служило соединением с идеей «Корпуса мира».

30 января 1961 г. Дж.Ф. Кеннеди выступил перед объединенной сессией конгресса США. В его первом ежегодном послании американским законодателям официально было предложено сформировать «Корпус мира», «чтобы помочь зарубежным странам удовлетворить их настоятельные нужды в обученном персонале». Президент Соединенных Штатов особо обратил внимание на тяжелую и неромантическую работу, которая ждет

добровольцев «Корпуса мира» – примитивные условия проживания, физические трудности, альтруистский характер работы [29. С. 176; 26. Р. 47]. Мотив испытаний, сопоставимых с обживанием фронтира в XVII–XIX вв., был налицо. Волонтеры «Корпуса мира» должны были стать идеологическим оружием администрации Дж.Ф. Кеннеди, американским ответом на пропагандистскую деятельность коммунистического блока. А. Шлезингер вспоминал, как Дж.Ф. Кеннеди почти с завистью говорил о способности коммунистических режимов привлекать на свою сторону людей, приводя в пример Кубу: «Каждый уик-энд 10 тысяч учителей отправляются в сельскую местность, чтобы бороться с неграмотностью. Значимая общественная работа, как эта, привлекает таких людей, которые хотят служить своей стране» [10. Р. 606]. Так что американским добровольцам предстояло трудиться не только на фронтире между «богатством и нищетой», но и на фронтире «холодной войны».

В адрес «Корпуса мира» прозвучало немало скепсиса и было высказано критических замечаний. Эту программу называли «новым детским крестовым походом», сравнивали ее с «пригоршней песка, брошенного в обширное море экономической отсталости». Но она вызвала жгучий интерес у молодых американцев. Уже на следующий день после выступления в Мичиганском университете Кеннеди получил заявление, подписанное несколькими сотнями студентов – слушателей его ночного выступления, выразивших готовность «посвятить часть своей жизни Америке», выполняя гуманитарную миссию. В Белый дом поступали тысячи писем от заинтересовавшихся в предложении Дж.Ф. Кеннеди. С момента запуска программы «Корпуса мира» в 1961 г. в его рядах прошли службу около 200 тыс. человек, работавших в 139 странах мира. Эта программа стала одним из наиболее популярных и долгоиграющих начинаний администрации Дж.Ф. Кеннеди [26. Р. 43; 25. Р. 154; 30].

Архетип фронтира проявился и в другой инициативе Дж.Ф. Кеннеди – стратегии контрпартизанских действий. В упоминавшемся выше первом ежегодном послании нового президента конгрессу была заявлена необходимость усиления военных возможностей США для действий в ограниченных войнах в самых разных частях мира. По инициативе Дж.Ф. Кеннеди в американских вооруженных силах стали формироваться подразделения специального назначения для организации контрпартизанских действий, известные как «Зеленые береты». «Зеленые береты» стали своеобразной реин-

карнацией героев фронта XIX в. – ковбоев, шерифов, охотников, следопытов. Именно так стала их изображать американская пресса [14. Р. 2]. Героизация «зеленых беретов» стала важной причиной рекрутирования в их ряды новобранцев. Один молодой боец так объяснял свои мотивы поступления на эту службу: «Миссия специальных сил всегда интриговала меня... Проникать в тыл противника, тайком передвигаться, чтобы организовать движение сопротивления, освобождать угнетенных и захваченных в плен. Я был в восторге от этого». А офицер морской пехоты Ф. Капуто подчеркивал, что на решение многих его соратников вступить в «зеленые береты» повлияла харизма Дж.Ф. Кеннеди: «Обаятельный рыцарь Камелота дал санкцию на отправку первых подразделений специальных сил во Вьетнам – фигур тоже притягательных в своем роде – в их зеленых беретах и тяжелых ботинках десантников» [6. Р. 50].

Связь между вооруженным противостоянием с вьетнамскими коммунистами и эпизодами из истории в стиле вестерна устанавливалась на уровне образов и мотивации. По аналогии с известной грубой приговоркой времен покорения «Дикого Запада» многие американские солдаты во Вьетнаме писали на своих бронежилетах: «хороший косоглазый – мертвый косоглазый», а наиболее опасные участки местности называли «индейской территорией» [4. Р. 13]. Подобные аллегории использовали и американские дипломаты. Посол США в Сайгоне М. Тэйлор оправдывал эскалацию американских войск в Южном Вьетнаме необходимостью выбить «индейцев» из «форта», называя при этом американских солдат «бледнолицыми». М. Тэйлор отстаивал так называемую «анклавную» стратегию военных действий, предусматривающую создание цепочки анклавов вокруг жизненно значимых объектов, откуда американские части должны были устраивать вылазки на территории противника. Данный опыт имел сходство с практикой строительства отдельных фортов при продвижении американского фронта на Запад как опорных баз. Критик «анклавной» стратегии начальник разведотдела штаба американской армии во Вьетнаме Ф.Б. Дэвидсон предлагал другой вариант – войну на истощение, смысл которой – «сделать войну болезненной для врага через опустошение его территорий, увеличение страданий его людей и ослабление его в моральном и физическом смысле». Американский генерал указывал на успешность данного опыта в истории США: «Американские индейцы, эта грозная партизанская сила, были покорены благодаря сериям безжалостных кампаний, направленных на их изна-

тивание и лишение средств к существованию» [18. Р. 3; 31. С. 346, 356].

Матрица маскулинного поведения «человека фронта» оказывала влияние и на процесс принятия политических решений руководством Соединенных Штатов. Образец подобного влияния демонстрирует пример вице-президента в администрации Дж.Ф. Кеннеди – Л. Джонсона, сменившего 35-го президента США после его трагической гибели. При Л. Джонсоне эскалация американских войск во Вьетнаме достигла пика. Оставив президентский пост, Л. Джонсон признавался биографу Д. Кернс, что если бы он потерял Вьетнам, люди сказали бы, «что я трус, слабак, бесхребетник». Ф.Б. Дэвидсон видел причины вьетнамской трагедии для США в фигуре самого Л. Джонсона как техасца, «воплощавшего в себе идеалы американских переселенцев, более всего ценивших смелость, мужество и отвагу... Для этого сложного и сомневающегося человека Вьетнам становился проверкой на прочность, которую президент как мужчина, как американец был просто обязан выдержать» [31. С. 336].

В разгар войны во Вьетнаме на американские экраны вышел фильм «Зеленые береты», главную роль в котором исполнил «король вестернов» Дж. Уэйн. Сын Уэйна – Майкл, являвшийся продюсером этого фильма, так характеризовал эту экранную постановку: «Мы не снимаем политический фильм, мы снимаем картину о компании правильных парней... Ковбой и индейцы... Американцы – это хорошие парни, вьетконговцы – плохие... Когда вы снимаете фильм, индейцы всегда будут плохими парнями» [4. Р. 12]. Пытаясь понять психологическую сторону участия США в войне во Вьетнаме, американский исследователь Р. Слоткин задавал риторический вопрос: «Почему мы находимся во Вьетнаме?», и сам же отвечал на него: «Потому что наши предки были героями, которые сражались с индейцами и погибали (за правое дело или нет), жертвуя собой ради нашего народа» [6. Р. 42]. Еще одним примером проявления архетипа фронта в период администрации Дж.Ф. Кеннеди стала космическая программа Соединенных Штатов. Астронавты вполне соответствовали образам бесстрашных покорителей неизведанных пространств. Причем руководство США связывало тему завоевания космоса с проблемой американского лидерства в мире. Л. Джонсон говорил о важности успехов в космическом строительстве, заявляя, что Римская империя контролировала мир, потому что строила дороги, у Британии был мощный морской флот, а Соединенным Штатам нужны космические корабли [15. Р. 277].

Подведем итоги. Выявление архетипа фронта является методологическим подспорьем в понимании характера американской цивилизации. Оно позволяет рельефнее осветить внешнюю политику США. Теория фронта не является единственно возможной и единственно правильной в объяснении поведения Соединенных Штатов на международной арене, но она дополняет наши знания об американской внешней политике, обнажая ее новые грани. Одним из императивов действий Соединенных Штатов в мире являлась (и продолжает являться) убежденность в универсальности американских ценностей. Американская демократия родилась на фронтире, был уверен Ф.Дж. Тернер. Из этого вывода следует, что борьба за утверждение демократии происходит в основном на периферии зоны американского влияния, т.е. на линии фронта. Для Дж.Ф. Кеннеди символом фронта «свободного мира» стала Берлинская стена. «Я – берлинец», – прозвучало его знаменитое заявление, в котором он, по сути, поставил себя в один ряд с «бойцами переднего края» этого фронта.

Вера в свое право занимать «пустующие земли», территории, где образовался «вакуум силы», приводила к провозглашению сферой национальных интересов регионы, расположенные за тысячи километров от официальных границ США. На самом деле, как утверждает В.Л. Мальков, термин «пустующие территории» – это чистый эвфемизм, «речь шла всегда о подчинении тех или иных регионов, уступающих в своем развитии США и Англии, влиянию превосходящей их культуре англо-американизма» [2. С. 36].

Для усиления легитимации американских действий в странах «третьего мира» Соединенные Штаты нередко прибегали к использованию мифологии фронта, эксплуатируя образы, ассоциировавшиеся с героями «Дикого Запада». Тем самым дополнительно достигалась устойчивость дихотомии «свой-чужой», легитимировались действия американцев, отправлявшихся в страны «третьего мира», в том числе и с оружием в руках. В итоге создавалась история, формировавшаяся мифом о фронтире, история, в которой, по словам Р. Слоткина, «конфликт, насилие, покорение природы и местных народов узаконены американцами как естественное и неизбежное для гарантии «прогресса» цивилизации». Американский исследователь подчеркивает, что именно «через такие акты героического агрессивного вторжения постоянно выражается американская национальная идентичность» [32. С. 110].

Без знания теории фронта трудно будет понять психологию людей из окружения Дж.Ф. Кеннеди. «Мы – люди нового фронта», – часто повторяли его помощники. В этой фразе отражалось не только разделение ценностных установок и программы Дж.Ф. Кеннеди, не только гордость от причастности к команде харизматичного национального лидера, но и ощущение человека, находящегося на передовой американской политики, на ее фронтире. «Люди нового фронта» – это передний край американской цивилизации, ее авангард. И, наконец, специфическая черта американского фронта – это стремление ставить перед собой новые цели, обозначать новые жизненные ориентиры. Статичность воспринималась как враг Соединенных Штатов. Вспомним утверждение Ф.Дж. Тернера, что доминантой развития Америки является движение. Не случайно в предвыборной программе Кеннеди повторялся тезис о затухании импульса американской жизни при республиканцах. По словам самого нового президента США, его администрация пришла к власти «после семи месяцев экономического спада, трех с половиной лет застоя, семи лет падения темпов экономического роста и девяти лет сокращения доходов фермеров» [33. С. 228]. Одним из предвыборных лозунгов Кеннеди стал призыв «Давайте заставим страну снова двигаться!». Мотив постоянного движения, непрекращающегося смещения фронта нашел свое отражение в неуклонном расширении сферы национальных интересов США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М., 2009.
2. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004.
3. Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Американский ежегодник. 1992. М., 1993.
4. Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. 1990. Vol. 76. №1.
5. Пеллиась М.Я. Влияние концепции фронта на формирование внешнеполитической стратегии США в XX в. // Американские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 5.
6. Gustainis J.J. John F. Kennedy and the Green Berets: the Rhetorical Use of the Hero Myth // Communication Studies. 1989. Vol. 40, №1.
7. John F. Kennedy Library (JFKL). The Papers of President Kennedy. President Office Files (POF). Box 137. "The New Frontier". Acceptance Speech of Senator John F. Kennedy. Democratic National Convention. July 15, 1960.
8. Dallek R. An Unfinished Life: John F. Kennedy, 1917–1963. Boston, N.Y., 2003.
9. Sorensen T. Kennedy. N.Y., 1965.
10. Schlesinger Jr. A.M. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston, N.Y., 2002.

11. *Schlesinger Jr. A.M.* On Heroic Leadership and the Dilemma of Strong Men and Weak Peoples // *Encounter*. 1960. Vol. 15, №6.
12. *Фурсенко А., Нафтали Т.* Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964. М., 1999.
13. *Громыко Анат. А., Кокошин А.А.* Братья Кеннеди. М., 1985.
14. *Dorsey L.G.* The Frontier Myth in Presidential Rhetoric: Theodore Roosevelt's Campaign for Conservation // *Western Journal of Communication*. 1995. Vol. 59.
15. *Rushing J.H.* Mythic Evolution of the "New Frontier" in Mass Mediated Rhetoric // *Critical Studies in Mass Communication*. 1986. Vol. 3, №3.
16. *Davis D.B.* Ten-Gallon Hero // *American Quarterly*. 1954. Vol. 6. №2.
17. *Согрин В.В.* Архетипы и факторы цивилизации США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2009. №5.
18. *Slotkin R.* Gunfighter Nation: The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. N.Y., 1992.
19. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
20. *Современная философия: Словарь* / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М., 2003.
21. *Большакова А.Ю.* Архетип – концепт – культура // *Вопросы философии*. 2010. №7.
22. *Колчанова Е.А.* «Архетип» как категория философии культуры: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2006.
23. *Иванян Э.А.* Белый дом: президенты и политика. М., 1975.
24. *Электронный ресурс*. – Режим доступа: <http://www.peacecorps.gov/index.cfm?shell=about.history.speech>, свободный. Дата посещения: 26.03.2012.
25. *Giglio J.N.* The Presidency of John F. Kennedy. Lawrence, 1991.
26. *Dorsey L.G.* The Myth of War and Peace in Presidential Discourse: John Kennedy's "New Frontier" Myth and the Peace Corps // *Southern Communication Journal*. 1996. Vol. 62, №1.
27. *JFKL. POF.* Box 6. 1961: WI-WY. "Report on a New Frontier". March 11, 1961.
28. *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с историческими комментариями* / Пер. с англ.; Общ. ред. и комм. Э.А. Иваняна. М., 2001.
29. *Мельников Ю.М.* Внешнеполитические доктрины США. М., 1970.
30. *Wilson J.* Peace Corps: A Change of Mind and Heart. *Электронный ресурс*. – Режим доступа: <http://www.whitworth.edu/Alumni/Transitions/Articles/TheJourney/WhitworthandthePeaceCorps.htm>, свободный. Дата посещения: 27.03.2012.
31. *Дэвидсон Ф.Б.* Война во Вьетнаме (1946–1975) / Пер. с англ. М., 2002.
32. *Румянцев В.П., Хахалкина Е.В.* Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии: Кол. монография. / Под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск, 2009.
33. *История США: В 4 т.: 1945–1980* / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1987. Т. 4.